

заинтересованным сторонам. За транзит страна получает транзитную плату, но ставка для международного транзита должна быть не выше, чем для внутреннего. В соответствии с транзитным протоколом к ДЭХ, в случае возникновения споров страна не имеет права приостанавливать транзит или отбирать из трубы энергоресурсы до завершения процедуры решения споров, которая также подробно изложена.

ТРАНЗИТНАЯ СТРАНА ПРОТИВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Россия подписала ДЭХ вместе с остальными участниками еще в 1994 году. Документ был внесен на ратификацию в Государственную думу РФ в 1996 году, однако в июне 1997 года участники парламентских слушаний предложили повременить с этим вопросом. На повестке дня он вновь появился уже с приходом к власти Владимира Путина. ЕС и РФ начали переговоры, которые затянулись на несколько лет. Особенно обострились противоречия между Брюсселем и Москвой в 2006 году, в ходе саммита G8 в Санкт-Петербурге, темой которого была избрана энергетическая безопасность. Тогда президент Владимир Путин в очередной раз отказался ратифицировать хартию и все связанные с ней документы. «Энергетическая хартия подразумевает взаимный допуск к инфраструктуре добычи энергоресурсов и инфраструктуре транспорта. Естественно, мы можем допустить наших партнеров и к добыче, и к транспорту. Они-то нас куда пустят? Где у них добыча, где инфраструктура транспорта? У наших партнеров магистральных трубопроводов просто нет, — заявил тогда российский президент. — Мы не против работать на этих принципах, но нам надо понять, что мы можем получить взамен».

Таким образом, Москва потребовала гарантий доступа российских компаний к европейским энергетическим активам. Особенно остро этот вопрос стоит для «Газпрома», не первый год добывающегося выхода на конечного европейского потребителя газа. Сейчас российская монополия продает газ сбытовым компаниям (чаще всего своим крупнейшим европейским партнерам и государственным энергетическим концернам), а те, в свою очередь, продают газ электростанциям, промышленным предприятиям и домохозяйствам по гораздо более высокой цене. Выход на конечного потребителя позволил бы «Газпрому» получать новый значительный объем прибыли.

Другая, еще более серьезная причина, по которой Россия отказывается ратифицировать ДЭХ и транзитный протокол, — боязнь потерять контроль над магистральными трубопроводами, проходящими по территории РФ из Азербайджана и Центральной Азии в Европу. Сейчас в российском законодательстве даже не существует понятия «транзит». Долгие годы все объемы газа, которые страны-производители на постсоветском пространстве готовы поставлять в Европу, «Газпром» покупал на восточной границе России по одной цене, а продавал в Европу по гораздо более высокой. Выход нашел лишь Азербайджан, который благодаря нефтепроводу Баку—Тбилиси—Джейхан и газопроводу Баку—Тбилиси—Эрзурум смог поставлять свои энергоносители на европейские рынки в обход России. Страны же Центральной Азии из-за отсутствия альтернативных труб долгое время мирились со схемой, предлагаемой «Газпромом». Именно это позволяло Москве говорить, что Россия — энергетическая сверхдержава.

Если бы Россия подписала ДЭХ и транзитный протокол, ЕС мог бы закупать газ напрямую в Центральной Азии, а Россия превратилась бы из энергетической сверхдержавы в обычную транзитную страну, не имеющую права срывать поставки. В этих условиях, опасаются в Москве, российский газ будет вытеснен из Европы. «Цель наших партнеров по хартии — пустить в российские газопроводы производителей-экспортеров из Азербайджана, Казахстана, Узбекистана,

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНОВ

НЕДАВНИЙ ВИЗИТ В ФИНЛЯНДИЮ ПРЕЗИДЕНТ РФ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ (В ЦЕНТРЕ) ИСПОЛЬЗОВАЛ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ ЕС СВОЙ «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД» К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИКИ (НА ФОТО СПРАВА — ПРЕЗИДЕНТ ФИНЛЯНДИИ ТАРЬЯ ХАЛОНЕН)

Туркмении по низкой внутрироссийской транзитной цене — 35 центов за тысячу кубов, — говорил еще в 2006 году глава комитета по энергетике, транспорту и связи Госдумы (сейчас занимает пост зампреда Госдумы) Валерий Язев. — Но тогда их газ на границе с Германией будет стоить раза в полтора дешевле российского, и он просто вытеснит наш газ с рынка». По крайней мере, покупатели в ЕС могли бы играть на конкуренции между «Газпромом» и поставщиками из Центральной Азии и добиваться снижения цен.

Россия также опасается, что в случае, если европейские компании получат доступ к недрам Центральной Азии и возможность транспортировать оттуда энергоносители в ЕС, они потеряют интерес к инвестициям в Россию. Дело в том, что большинство производящих сейчас месторождений нефти и газа в России были открыты еще во времена СССР, пик добычи на многих давно прошел. Освоение же арктического шельфа или Восточной Сибири из-за суровых климатических условий и слабой изученности требует колоссальных инвестиций. Инвестиционный же климат в российском ТЭК после дела ЮКОСа и пересмотра сахалинских оглашений с Shell вряд ли можно назвать особенно привлекательным.

РОССИЙСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ Опубликованные в апреле Москвой предложения в документе под названием «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики (цели

и принципы)» как раз и должны устранить все те моменты в Энергетической хартии, которые так настораживают российскую сторону. Хотя во многом российские предложения фактически копируют положения ДЭХ, в двух документах есть и некоторые серьезные расхождения.

Во-первых, Москва настаивает на «признании безопасности предложения (поставок) и спроса (прозрачный и предсказуемый сбыт) в качестве ключевых аспектов глобальной энергетической безопасности». Таким образом, Россия требует получения гарантий того, что ее нефть и газ в любом случае будут иметь долю на европейском рынке. С этим же связано требование Москвы проводить обязательные консультации «в области формирования будущей структуры энергетических балансов». Благодаря последней мере Россия могла бы, например, скорректировать или заблокировать принятую ЕС в конце 2008 года программу «20—20—20», одним из следствий которой может стать сокращение доли газа на европейском рынке.

Во-вторых, Россия требует обязательных консультаций при принятии «регуляторных документов в области производства, торговли, транзита и потребления энергии». Эта мера позволила бы Москве влиять на принятие ЕС различных программ по обустройству европейского энергетического рынка вроде так называемого третьего энергетического пакета, согласно которому одна и та же компания не может осуществлять одновременно добычу, транспортировку, распределение и реализацию энергоносителей, как это делает тот же «Газпром».

Кроме того, Москва настаивает на консультациях при «планировании и осуществлении инфраструктурных проектов, оказывающих влияние на глобальную и региональную энергетическую безопасность». Таким образом, без консультаций и координации действий с Россией было бы

невозможно строить трубопроводы в обход ее территории вроде Баку—Тбилиси—Джейхан или планируемого газопровода Nabucco.

Наконец, Россия настаивает на юридическом закреплении в новом документе принципов «поощрения взаимного обмена активами энергетического бизнеса», а также «обеспечения недискриминационного доступа к энергетическим технологиям и участия в передаче технологий». Все это позволило бы российским компаниям получить доступ к европейским активам и технологиям. Принцип же обязательности свободного транзита и обязанности стран предоставлять свои транзитные мощности в российских предложениях не закреплён — вместо этого там содержится фраза о том, что новый документ должен гарантировать «обеспечение недискриминационного доступа к международным энергетическим рынкам, их открытие и развитие их конкурентного характера».

Впрочем, опубликовав предложения, Москва не проявила желания обсуждать тему в практическом ключе. Так, премьер Владимир Путин отказался ехать на саммит в Софии, посвященный поставкам природного газа в Европу. ЕС ответил взаимностью. После выступления Дмитрия Медведева в Хельсинки никто из европейских чиновников его слова публично не комментировал, зато 22 апреля (через день после публикации российских предложений) Европарламент утвердил «третий энергетический пакет». Это означает, что Москва и Брюссель, несмотря на уроки газового кризиса, так и не приблизились к выработке общепризнанной юридической основы своих энергетических отношений. А значит, в ближайшей перспективе они продолжают увлекаться дорогими политическими проектами вроде Nord Stream, South Stream и Nabucco. ■

